

Артист А. С. Россов в роли Миклоши («Цыганская любовь»).

35 лет на сцене

Литература сохранила нам образ провинциального русского актера, картины его жизни в старой, царской России. Это была жизнь, которая в наше время кажется невероятной. Вспомните потрясающий по своей правдивости рассказ Куприна «Как и был актером», вспомните, как Незчастливцев в «Проще — Общественно» говорит, обращаясь к своему собрату Счастливицу:

— А ведь мы с тобой почти черти, немного лучше...

Это испытали на себе многие старые актеры; испытали это и Александр Саввич Россов (Копенгаг). Огромная воля и неисчерпаемая жизненная сила были для него, чтобы пройти сквозь это, не стесняясь, чтобы голодать, замерзнуть зимой в дощатом, вагонном сколоченном летнем театре, бежать за саними, в который сваден похитрый реквизит труппы, — и все-таки любить свое дело и находить в себе силы для него.

...Вспоминались о годах детства у Александра Саввича связываются с украинским селом Раздолье. Назвали это жутико для семьи бедного крестьянина, как насмешка; у отца А. С. было три брата и две сестры, причем все они — со своими семьями — жили в одной избе, а земельный надел — на всех! — составлял полторы десятины. Отец Александра Саввича, выгнавший нуждой из родного села, поступил в Харьков на железную дорогу обтирщиком вагонов. Мальчик окончил сначала школу при семинарии, где вечно пьяный гнивастый дядька бил учеников по рукам квадратным о металлических краями,

затем окончил уездное училище. В школе и училище он пел в хору; «кайцем» проскальзывал в театр; вместе со своими приятелями ставил дома спектакли — прачки, кучера, дворники жалелись в тесной комнатке, разделенной на две части географическими картами, которые заменяли занавес...

С годами тяга к театру не проходила. Наоборот: Александра Саввича все более и более тянуло к нему. Встав работу в качестве конторщика, он поступил в украинскую труппу Морозенко.

Жулик и проходимец, как и большая часть других антрепренеров, стремившихся согреть руки около того, что они высокопарно называли «артарем искусства», Морозенко принимал в свою труппу только молодых, неопытных актеров: они были дешевле, их легче было эксплуатировать.

Также, как и другие молодые актеры, Россов получал 15 копеек в день. Он играл на сцене, причислял парки, таскал декорации. Когда театр не имел обора — Морозенко делал актеров «тайниками» театра: он платил им марками, на которые раскладывались убытки; когда же задумывался от публики — выдача марок прекращалась, а по выданным раньше маркам с актеров вычитали «долги». Таким образом актеры всегда одинаково голодали.

Омываясь в Омске Александр Саввич не смог быстро убрать декорации. Морозенко ударил его по лицу и — получил «сдачу».

Через пару дней по улицам тряслась телега: Александр Саввич ехал на вокзал, его провожал городовою.

Так начинался творческий путь актера Россова.

Почевки на скамьях опустевшего театра; кашка вместо подушки, афиша вместо простыни; годы сытаний по проселочным дорогам, по провинциальным городам Российской империи, о которых так хорошо сказал Горький: «...Все вокруг полусинь, все так приглушено, все движется как-то неохотно, по тяжелой необходимости, а не по пламенной любви к движению, к жизни. И так хочется дать хороший пинок всей земле и себе самому...»

С трагиком Дарским Россов обогатил пинком всю тогдашнюю Нековскую губернию. Дарский, его жена, Россов и одна начинающая актриса составляли всю труппу. Когда на горизонте показывался город — Дарский брился у ручья, надевал тщательно оберегавшуюся крылатку и шляпку — все имущество труппы — и отправлялся представляться уездному начальству. Труппа дожидалась его возвращения, прячась во ржи...

Александр Саввич хотел учиться, он поступил в Петербурге на курсы Неметта, но вскоре его отуда исключили за то, что он выходит из другой «небелкодер-жавной нации».

Были и светлые черточки. Россов вспоминает, как во время одного из переизданий актер Болды-

рев свил с себя шубу и отдал ее замерзавшему Александру Саввичу, как актеры труппы Бродерова, отказывая себе во всем, в продолжение года выделали ему деньги в Ялту, когда он заболел туберкулезом. Трогательные черты товарищества и дружбы, это они согревали актера, разжигали готовый потухнуть огонек веры в себя, в свое дело, давали актеру силы для работы в труднейших условиях старого, дореволюционного театра.

От Баку до Владивостока, от украинской труппы актера и антрепренера Хмары до московского театра оперетты Ногошиной — таков большой путь, который прошел Россов до революции.

Украинская сцена, с которой Александр Саввич перешел в театр оперетты, воспитала в нем стремление любовно создавать образы — даже в незначительных ролях. Ему приходилось играть также и в драме, и в опере; это способствовало его творческому росту, обогащало его опыт и знания артиста.

Революция широко распахнула двери театра. В театр пришел народ — самый требовательный, но в то же время самый чуткий и отзывчивый зритель. Он ждал от актера прежде и теперь! Только после Октябрьской революции актер Россов получил полные возможности для своей учебы, для творческого роста.

ков песенные разухабистые куплеты о цыпленке, который тоже хочет жить.

Нужно было создавать советскую песню и пропагандировать ее.

Александр Саввич одним из первых взялся за разрешение этой задачи. Он обогатил московские магазины, приобрел нацисские от руки ноты песен советских композиторов и подготовил концертную программу. С этой программой он объездил Белоруссию, Украину, Поволжье и часть Казахстана. Он выступал в театрах, на предприятиях, в клубах красноармейских частей; он пел о 26 бакинских комиссарах, о славном броненосце «Потемкин», повернувшим дула своих орудий против царской России, о матери, которая ждет сына, о вишневке, с которой рабочие и крестьяне закупают завоевания революции. Неполнение новых советских песен встречало большой и шумный успех; Александр Саввич нередко слышал, как поют на улице ту самую песню, которую он только недавно исполнил на концерте. Газеты тех городов, где выступал Россов, отмечали, что «на этот раз мы имели действительно художественный, построенный по глубоко продуманной программе концерт» и с удовлетворением подчеркивали, что «советские песни вытесняют с эстрады пивль и пошлость».

Затем — снова работа в оперетте. Витебск, Тула, Николаев, Херсон, Пермь, Магнитогорск... Какая огромная пропасть легла между старым, дореволюционным театром оперетты и нынешним советским театром, между жизнью актера прежде и теперь! Только после Октябрьской революции актер Россов получил полные возможности для своей учебы, для творческого роста.

Его не гнетет боязнь завтрашнего дня. Он не зависит от произвола антрепренера, который может завтра выпнуть его на улицу. Его ценят, о нем заботятся. Ему не нужно заискивать, унижаться. А ведь было — артист платил режиссеру за то, чтобы тот предоставил ему «выпрыжные» роли, дававшие возможность выдвинуться. А гардероб? Артист без собственного гардероба в старое время «стоял» значительно дешевле... Как нелепо звучит рассказ об этом в наших условиях!

Челябинские зрители хорошо знают Россова. Роль, в которой выступает Александр Саввич, всегда бывает по своему неполностью одной из лучших ролей спектакля. Вдумчивая и тщательная работа над ролью, умение найти главное, характерное, внимание к мелочам, простота и выразительность, умелое использование большого жизненного и сценического опыта отличают игру Россова. Образы создаваемые им, — по традиционные опереточные персонажи. Это — живые люди. Таков старый цыган Миклоши в «Цыганской любви», с гитарой в руках запеваящий «Ронцу»; таков командир красноармейского отряда Назар Дум в «Свадьбе в Малиновке», с опасностью для жизни пробирающийся в забытое бедобандитам село; таков Соломий Червиль в «Сорочинской ярмарке».

И именно это определяет успех ролей, исполняемых Россовым, который за время своей сценической деятельности играл более чем в 120 пьесах. Но Александр Саввич — не только актер. Он удачно сочетает работу актера с деятельностью режиссера; в этом сезоне на сцене Челябинского театра оперетты им поставлены «Граф Люксембург», «Сильва», «Сорочинская ярмарка». Вспоминая о том, как тяжело бы-

ло ему работать над ролью в старое время, не получая никакой помощи — актера оперетты тогда не учили, он был предоставлен самому себе, — Александр Саввич с особой любовью стремится передать свои знания и опыт молодым актерам. Он воспитал много талантливых артистов: Баратова (Владимир), Зорину (Москва), Дева (Ленинград), Сергеев (Ростов) и других. Россов не ограничивается работой на репетициях. Он читает лекции, беседует с актерами в своем кабинете, учит, показывает, помогает понять и освоить роль. В творческом росте Демитой, Веселова, Коштова, Муратовой, которая недавно была хористкой, а теперь исполняет первые роли, Смирновой, которая была конторщицей, а стала прима-балериной, и многих других актеров Челябинского театра оперетты — значительная заслуга Александра Саввича.

Россова знают не только те, кто посещает Челябинский театр. Его знают на предприятиях Челябинска, Магнитогорска, Златоуста, где он выступал с концертами; его знают участники художественной самодеятельности как активного общественника, принимавшего участие во многих смотрах и олимпиадах самодеятельных коллективов.

На протяжении всего периода своей деятельности после революции Россов проделал большую работу по облуживанию красноармейских частей, выступая с концертами, помогая участникам красноармейской художественной самодеятельности.

Завтра общественность Челябинска будет отмечать 35-летие сценической и общественной деятельности Александра Саввича Россова.

Н. ЛЕРИН!